

В подвале было темно, лишь где-то в глубине здания пробивался тусклый свет, исходивший из-за угла, и слышались негромкие мужские голоса.

— Это Моль! — опять крикнул Молев. — Я привел украинского военного. Товарищ майор, вы здесь?

Услышав это, молодой человек резко остановился и хотел развернуться к конвоировавшему его сержанту, но Молев тут же пресек попытку. С размаху он ударил прикладом неизвестного в спину и приказал идти дальше.

— Я не украинский военный, я обычный гражданин! — запнувшись на мгновение от удара, сказал молодой человек.

В этот момент к ним навстречу вышла фигура, в которой Молев сразу узнал лейтенанта Лапина. Увидев сержанта, Лапин развернулся и, ничего не сказав, вошел в помещение, откуда исходил единственный источник света. Молев и его конвоируемый вошли следом. Внутри, помимо Лапина, находились майор Долбин и капитан Угольцев. Несколько темных фигур, отдаленно напоминающих человеческие, сидели на полу в дальнем углу комнаты, держа перед собой связанные белой тряпкой руки. Глаза несчастных были прочно перемотаны, а ноги соединяли между собой черные кожаные ремни. Свет от тусклой лампочки практически не доходил к пленникам, поэтому разобрать ни их возраст, ни рост, ни даже пол не представлялось возможным. Долбин и Угольцев стояли в другом конце комнаты, о чем-то негромко переговариваясь.

— Что это? — спросил майор Долбин, когда Молев и молодой человек вошли в помещение.

— Это укроп! Шел мимо блокпоста, в бушлате и камуфляжных штанах. Я его раздел, а у него на плече след от ремня. В доказательство сказанных слов Молев осветил фонариком своего пленника.

— Разденься, — приказал Долбин.

— Мужики, я не украинский военный, клянусь. Это след от... — на этом слове молодой человек запнулся, его голос сильно задрожал, а сам он затрясся; в мгновение несчастного покинул дар речи вместе со спокойствием, сопровождавшим его до этого момента. — Это я несколько дней назад помогал перенести пианино и натер себе плечо. Я клянусь, я не военный.

— Раздевайся, — громко повторил Долбин, не обращая внимания на его слова.

Продолжая блеять что-то невнятное, молодой человек робко снял с себя бушлат, затем находящийся под ним свитер и футболку. Испуганными глазами он посмотрел на приблизившегося майора Долбина.

— Я не военный! Это пятно осталось после того, как я, чтоб подработать, помог перенести пианино из одного дома в другой. Это пятно от ремня, я клянусь.

Майор Долбин молча, с еле заметной брезгливостью и презрением осмотрел плечо, после чего повернулся к Молеву и указал рукой на выход.

— Выведи его во двор и застрели, — приказным тоном сказал он.

В помещении воцарилась тяжелое молчание. Долбин подошел к небольшому столу, над которым тусклым светом горела желтая лампочка. Взял в руку лежащий на нем лист бумаги и начал читать. Спустя несколько секунд он опять повернулся к Молеву и вопросительно посмотрел ему в лицо.

— Что ты стоишь? — спросил он. — Иди застрели его. Тебе что-то не ясно?

Молев на мгновение вздрогнул и, замерев, изумленно посмотрел на майора. Он совершенно не ожидал подобного приказа и не был готов к убийству. Нельзя сказать, что Молев испытывал жалость к задержанному им пленнику, но, как оказалось, для того, чтоб совершить убийство человека, ему требовалось время и психологическая готовность к этому. Не в силах отвести растерянный взгляд, застывшими глазами он продолжал смотреть на майора. Ноги сержанта отяжелели, на мгновение ему показалось, что на подошвах своих сапог он чувствует горячую, маслянистую жидкость. От тяжелого взора Долбина по его позвоночнику пробежал резкий электрический разряд, и в следующее мгновение ему померещилось, что он падает. Пошатнувшись, Молев сделал шаг в сторону, пытаясь прийти в себя. Он тяжело сглотнул и перевел взгляд на молодого человека. Тот без остановки продолжал говорить какие-то слова, смысл которых резко обесилевший сержант не понимал. Внезапно для всех, в разговор вмешался капитан Угольцев.

— Зачем его убивать? — сказал он, обращаясь к майору.

Когда капитан произнес эти слова, Молев вдруг осознал, что с момента шокирующего приказа прошло лишь несколько секунд, хотя эти мгновения ему показались вечностью.

— Что значит зачем, капитан? — выругался Долбин. — Это украинский военный, ты хочешь его отпустить?

Капитан Угольцев сделал несколько шагов по помещению. Ничего не ответив, он вытащил из кармана сигарету и закурил. Надо сказать, что, несмотря на то, что капитан действительно не видел причин убивать задержанного, не считал его украинским военным и не верил в то, что след на его плече — результат долгого ношения оружия, он все же не отважился противоречить майору.

— Пошли, — скомандовал раздраженным голосом Долбин и вышел из комнаты.

Придя в себя, Молев посмотрел на искривившегося от отчаяния молодого человека, ткнул в него автоматом и приказал идти следом за майором. Он подумал о том, что в случае продолжения непокорства, если Долбин не блефует, наряду с украинцем может распрощаться с жизнью и он сам. Эта мысль взбодрила сержанта и придала новых сил. Он подошел еще ближе к молодому человеку и указал ему на выход. Пленник сделал шаг в сторону, затрясся и с дрожью и хрипом в голосе начал повторять, что он не украинский военный, а след на его плече — результат переноски пианино. Ничего не произнеся в ответ, Молев несколькими толчками в спину вывел несчастного из помещения, обернулся, чтоб посмотреть в лицо Угольцову, и вышел из комнаты сам.

Майора Долбина уже не было видно. В нескольких метрах впереди слышались звуки его шагов, поднимающихся по бетонным ступенькам. Молев еще несколько раз толкнул молодого человека в спину по направлению к выходу. К этому моменту глаза сержанта привыкли к окружающей его темноте, и он ясно видел, какая разительная перемена произошла с его

пленником. Встреченный им полчаса назад бодрый и энергичный человек, сейчас шел, опустив голову вниз, ссутулившись, робко перебирая ногами и придерживаясь трясущимися руками за стену, чтоб не свалиться на пол. Когда он выходил из здания, обессиленные ноги молодого человека подкосились, и он, выставив вперед руки, рухнул на колени.